

Посвящается Эмми

ПАНДЕМОНИУМ (сущ.)

Определение:

1. Дикий шум (недовольства или возбуждения в людской толпе): проявление беспорядков.
2. Столица Ада в поэме Мильтона «Потерянный рай».
3. Территория преисподней: см. АД.

Словарь «Мерриам-Уэбстер»

ПРОЛОГ

*Март 1993 года,
юго-запад Западной Вирджинии*

Старик чиркнул спичкой об камень, на котором сидел. Поднес огонек к трубочке и раскурил табак. Мерцание пламени во тьме осветило его морщинистое лицо.

Тихо в ночи.

В безоблачном небе над головой старика ярко блестели звезды. Это по-прежнему оставалась страна Бога, несмотря на то, сколь много зла он успел повидать. Окинув взором свои широкие, тянущиеся в бесконечность, фермерские угодья, он был рад тому, что не видел сильно далеко, так как землю свою в последнее время совсем запустил.

Пыхала трубочка. Клубы дыма завивались в небеса. За спиной старика, примерно в пятидесяти ярдах, расположился дом, в котором он прожил последние сорок лет. Старик изо всех сил старался игнорировать доносившиеся оттуда звуки и предпочел смотреть вверх. Невооруженным глазом он различал Орион со своим чертовым поясом; маленькую красную штучку по имени Бетельгейзе; Большую и Малую Медведицы. Они висели здесь

ПРОЛОГ

7



всю его жизнь, и только сейчас ему удалось выкроить момент, чтобы полюбоваться ими.

Сзади донесся размеренный топот. То был Бак, гончий пес. Приблизившись к хозяину, он начал тыкать в него своей мордой. Старик оторвал взгляд от звезд и посмотрел на пса.

— Все в порядке, Бак,— он обнял и погладил верного друга.

Тем не менее, пес продолжал скулить.

— Дам-ка я тебе затяжечку, чтобы унять твои нервы,— сказал старик и протянул трубочку Баку.

Пес принюхался и отпрянул.

— Не каждому по нраву. Согласен.

Бак помотал головой и прилег на траву рядом с камнем, на котором восседал его хозяин.

В доме позади них хлопнула дверь. Пес посмотрел на старика и приглушенно завыл.

— Ты только посмотри на эти картинки в небе, Бак.— Старик указал трубочкой на Орион.— Вон тот, что прямо над нами — один из самых свирепых охотников, каких только знал мир. Ты обязан относиться к нему с уважением, старина. Если бы у него в свое время был ты со своим носом, то для нас больше не осталось бы дичи.

Бак стрелял глазами от старика к трубочке, от трубочки к звездному небу. Его свисающие уши приподнялись, когда из дома послышался звон бьющегося стекла. Он заерзал на месте и заскулил.

— Слышу-слышу, Бак.

Старик не шелохнулся. Он подумал о ноже, который носил в комбинезоне, и прикинул, как лучше поступить — прикончить Бака прямо сей-



час, или же позволить ему дальше самостоятельно хозяйничать на ферме. Он пришел к выводу, что старый гончий пес вполне самостоятелен и без хозяина не пропадет. Пора покончить с намеченным делом.

Старик встал и почувствовал, что зад онемел от долгого сидения на камне. Бак тоже вскочил и замер. Старик потянулся, разминая ноющее тело. Он последний раз затянулся из трубочки и оставил ее дымиться на камне.

— Полагаю, пришла пора положить конец все-му этому,— сказал он, глядя на Бака.— Я хочу, чтобы ты оставался здесь, старина.

Бак склонил голову набок.

— А теперь слушай меня, упрямый ты сукин сын. Не важно, какой грохот ты услышишь из дома — не суй туда свою задницу. Знаю, как чешутся у тебя лапы погнаться за тем, что там, чем бы оно ни было, но никакого толку не выйдет. Оно тебя просто прихлопнет.

Бак оставался неподвижен.

— Лежать!

Пес выполнил команду. Старик повернулся лицом к своему дому. Один его глаз дернулся, а руки начали сжиматься. Он сбился со счета, как много раз сталкивался с подобными ситуациями, но сейчас все казалось совсем по-другому. Потому что теперь дом был его собственный.

— Послушай, Бак,— обратился старик к лежащему рядом с камнем псу.— Если я не позову тебя на рассвете, пойдти и закуси одним из цыплят. Пить можешь в долине вон там. Ты знаешь, что делать.

ПРОЛОГ

9



Бак положил морду между передних лап и закрыл глаза. Старик зашагал к дому, на ходу принявшись бормотать:

— Отче Наш, молю Тебя о том, дабы Ты не оставил меня в сей темный час. Молю, избави меня от страха, да пребудет со мною Любовь Твоя и Свет Твой.

Тень мелькнула в окне спальни на втором этаже. Старик ощутил нахлынувшую дрожь, но продолжал идти вперед.

— Молю Тебя, дай мне сил сразиться со злом пред лицом моим. Ты всегда был рядом со мной, и я верую, что не покинешь Ты меня. Верую в Тебя, Господи, и молюсь о том, дабы исполнил Ты через меня волю Твою.

Из дома донесся женский хохот. Старик закрыл глаза и продолжил путь. Слеза покатилась по его щеке.

— Во имя Господа нашего Иисуса Христа! Аминь!

Он вытер слезу и открыл глаза. Из-под воротника рубашки вынул крестик на цепочке, поднес к губам. Засунул его обратно и прижал к сердцу, где всегда обычно и носил.

Еще через несколько шагов он дошел до переднего крыльца. Увидел, как деревья, окружавшие его владения, колыхнулись от порыва ветра — до того, как сам его ощутил. В темное время суток весенний ветерок принес прохладу. Зазвенели колокольчики. Кресло-качалка на крыльце дернулась туда-сюда со страшным скрипом. При других обстоятельствах старик посчитал бы окружавшую обстановку безмятежной.



Он сделал последний глубокий вдох и поставил ногу на деревянные ступени. Не задумываясь, пересек крыльцо и схватился за хлипкую сетчатую дверь. Тихо открыл ее и уставился на входную, которую так часто открывал. Теперь глаз цеплялся за сплошные неровности — облупившуюся краску, трещины в дереве. Он знал, что разум привязывается к чему угодно, лишь бы не входить внутрь.

За дверью захихикал ребенок. Старик толкнул ее и едва не упал через порог. Не считая лунного света, сочащегося через кухонные окна слева, все вокруг полностью окутала тьма. Однако старик и не нуждался в освещении, чтобы ориентироваться в собственном доме. Он шагнул в прихожую. Лестница, ведущая к спальням наверху, располагалась в десяти футах перед ним. Справа была гостиная, а слева — кухня. Он посмотрел направо. Мебель начала обретать очертания в пустой комнате по мере того, как глаза адаптировались к мраку. Дом был слишком тих и обманчиво пуст.

Так как внутри стоял только один оконный кондиционер в спальне наверху, то температура в комнатах обычно соответствовала уличной. Нынешней ночью, однако же, здесь оказалось неестественно душно. Едва миновав порог, старик сразу же ощутил выступивший на лбу пот. Он огляделся, не заметив ничего необычного. Сделал еще два осторожных шага по деревянным половицам.

Тихо, слишком тихо.

Старик повернул на кухню. Он посмотрел на стол возле стены по левой стороне, на котором осталась тарелка с его одиноким ужином — недо-

ПРОЛОГ

11



еденной свиной отбивной посреди картофельных ломтиков. Он подошел к шкафчикам над холодильником и распахнул дверцу. Лунный свет отразился от блестящего металлического предмета внутри. Старик достал шестизарядный револьвер и откинул барабан, по-прежнему полностью заряженный, каким он его и оставил. Вставил барабан на место и засунул оружие в боковой карман комбинезона.

Приоткрыл скрипучую дверь холодильника двумя руками, стараясь не издавать лишнего шума. В залившем кухню желтом свете увидел, что все кухонные ножи, сколько у него их было, воткнуты в потолок над головой.

— Господи, помилуй! — прошептал он.

Пусть даже он ранее уже сталкивался с проявлением силы, сам факт того, что она теперь в его собственном доме, тревожил до самого нутра. Было гораздо проще, когда он врывался в чей-то чужой кошмар, приходя на вызов и зная, что после выполнения миссии вернется под безопасные своды своего родного жилища.

Старик хмыкнул, отбрасывая сомнения. Посмотрел в дальний угол открытого холодильника на стеклянную баночку, тщательно припрятанную. Там была прозрачная жидкость, которую кто-нибудь посторонний мог бы принять за самогон. На металлическую крышку была наклеена полоска клейкой ленты с маленьким крестиком, нарисованным на ней черным фломастером. Старик взял баночку и тихо прикрыл дверь. Оглянулся на закрытый подвал с другой стороны кухни. Он



знал, что именно оттуда оно и явилось — то зло. Однако же сейчас там были только темнота и тишина. *«Оно хочет, чтобы я ослабил бдительность».*

Убедившись, что на кухне никого больше нет, он поставил баночку на край стола и открыл ее. Достал револьвер из кармана и снова откинул барабан. В раскрытую ладонь упали шесть патронов 357-го калибра. Один за другим старик окунул их в святую воду.

Ставни позади него захлопнулись от мощного порыва ветра. От грохота старик подпрыгнул и выронил банку. Та разбилась при падении и по покрытому плиткой кухонному полу разлетелись брызги, патроны и осколки.

— Святый Боже!

Он напрягся, чтобы присесть на одно колено. Пусть он и вел гораздо более подвижный образ жизни, чем большинство людей его возраста, однако не был столь гибким, как ему хотелось бы. Тяжело опустившись, он поморщился, подбирая с пола те патроны, которые смог найти. Посмотрев на свою ладонь, насчитал три штуки. Должно быть, остальные укатились сильно далеко.

— Это все, что я могу сделать,— пробормотал он, с трудом поднимаясь.

Не теряя времени, вставил мокрые патроны в барабан. Захлопнул его, взвел курок, и снова положил револьвер в карман. Двинулся через узкую кухню, стараясь не наступать на осколки стекла. Когда добрался до гостиной, услышал топот бегущих по деревянной лестнице ног. Его сердце замерло, и он закрыл глаза.

ПРОЛОГ

13

